

УДК 94(47).084.1

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18679233>

**УЧАСТИЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА
В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ПОЛКОВНИКА А. П. КУТЕПОВА 27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА**

Савинов В. Ю.

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
г. Орел, Российская Федерация
E-mail: savinovvju@mail.ru*

Представлен анализ эпизода Февральской революции, связанного с попыткой полковника лейб-гвардии Преображенского полка А. П. Кутепова усмирить восставший Петроград силами сводного отряда. Несмотря на революционный хаос, верные присяге части пытались восстановить порядок в столице, но экспедиция Кутепова провалилась из-за стечения многих факторов, а именно: нерешительность действий командования Петроградского гарнизона и лично генерала С. С. Хабалова, солдаты гарнизона не хотели повторения событий 1905 года, жесткие действия отряда Кутепова. Последствия провала экспедиции можно проследить и в последующие месяцы, в том числе в деятельности солдатских комитетов, призывавших линчевать Кутепова за проведение провалившейся экспедиции. Представлен контекст происходивших событий, особенно касательно роли лейб-гвардии в революционных событиях. Восстановленная в некоторых случаях по часам хронология событий позволяет взглянуть под другим углом на события революции, увидеть их с точки зрения преданного долгу и присяге офицера на основе воспоминаний очевидцев и сохранившихся архивных документов. В исследовании представлены различные точки зрения на трагические события февраля 1917 года для большей объективности.

Ключевые слова: Февральская революция, А. П. Кутепов, лейб-гвардия, Преображенский полк, Петровская бригада.

Февральская революция: основные сведения.

Февральская революция (23 февраля – 3 марта 1917 г. по старому стилю) – комплекс революционных событий, в ходе которых в стране был смещен монархический режим и установлен республиканский строй. Касательно их причин существует множество позиций, но, по мнению автора, к революции привела совокупность факторов – от экономических и социальных до военных и политических.

В данном исследовании изучается конкретный период – 27 февраля 1917 года по старому стилю. Ключевыми источниками для исследования стали архивные документы и мемуары непосредственных участников событий, в том числе самого Кутепова, о котором следует сказать отдельно.

А. П. Кутепов: краткая биография и личность.

Александр Павлович Кутепов (16.09.1882–?/26.01.1930) – родился в семье личного дворянина Константина Матвеевича и Ольги Андреевны Тимофеевых [2,

л. 3]. После смерти отца, его (вместе с братьями Борисом, Сергеем и Андреем) усыновил надворный советник, чиновник по крестьянским делам 2 участка Шенкурского уезда Павел Александрович Кутепов. Обучался в Архангельской классической гимназии [3, л. 41–41об.] и Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище. Воевал в русско-японской войне, участвовал в Шахэйском и Мукденском сражениях. За боевые отличия 15 декабря 1907 года [8, л. 3] переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. Прошел вместе с полком все тяжелейшие бои Первой мировой войны; командовал ротой, батальоном, а в 1917 году – самим полком. За все время службы не был ни разу не подвергался наказаниям [10, л. 14]. Один из ключевых военных лидеров Белого движения. В эмиграции – один из организаторов и руководителей Русского общевоинского союза (РОВС). В 1930 году был захвачен советскими спецслужбами, и дальнейшая его судьба хоть официально и неизвестна, но предполагается, что он был убит при попытке захвата и тайно похоронен в неизвестном месте.

За боевые отличия отмечен орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, Георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медалью светло-бронзовой в память Русско-Японской войны, медалью в память 200-летия Полтавской битвы, медалью в память 100-летия Отечественной войны, Высочайшим благоволением, Шведским королевским Кавалерийским орденом Меча 2 класса, Прусским орденом Короны с мечами 4 класса, орденом Румынской короны степени офицерского креста, Черногорским орденом князя Даниила I 4 степени, серебряной французской медалью за участие в Высочайшем смотре в присутствии Президента Французской республики, полковым нагрудным знаком [9, л. 2].

О Кутепове, его характере и значении для сослуживцев в годы войны очень точно вспоминал его адъютант В. В. Дейтрих:

«Кутепов, вступив в войну (для него уже вторую) с репутацией блестящего строевика, точно окунулся в родную стихию и сразу завоевал себе репутацию боевого офицера, уже выдающегося во всех отношениях, выдающегося даже среди тех, кто почитаться таковыми могли сами. Мы, младшие офицеры, верили слову Кутепова. Молодость хотя и склонна к зубоскальству, но, как никто, поддается обаянию отваги. Храбрый офицер – в сущности, тавтология. Кто не храбр, тот не может, не вправе быть офицером. Храбростью проявляется благородная сторона человеческой природы... Кутепов был храбр той волевой храбростью, которая, сознательно преодолев страх смерти, уже не имеет далее задерживающих рубежей, кроме велений разума. Мы, стараясь изо всех сил быть храбрыми, все-таки сознавали, что Кутепов храбрее нас. Этим объяснялось то влияние, которое он как начальник имел над нами в бою» [12, с. 219–220].

В 1917 год Кутепов вступил в должности временно исполняющего обязанности полком в связи с отпуском командира генерал-майора Дрентельна. Обстановка была относительно спокойной (все ожидали весны), но Кутепов не мог уехать в отпуск.

Только после возвращения командира он уехал в Петроград, куда прибыл в двадцатых числах февраля и остановился у сестер на Васильевском острове.

Петроград перед революцией. Настроения в лейб-гвардии запасных батальонах

Предреволюционный Петроград ужаснул боевого офицера «тем нервным настроением, которое царило там тогда – на вокзалах, в Гостином дворе, в Пассаже можно было видеть солдат в караульной амуниции, по улицам ходили толпы рабочих, каждый день происходили манифестации» [15, с. 159].

26 февраля была демонстрация, в ходе которой рабочие двинулись к Таврическому дворцу – месту заседания Государственной Думы. На Знаменской площади произошла демонстрация с красными флагами, которая была прекращена учебной командой лейб-гвардии Волынского полка, разогнавшей толпу залповым огнем и убившей как минимум 11 человек. Это стало для волынцев ударом – они невольно вспомнили события «кровавого воскресенья» 1905 года [16, с. 16].

Дни перед началом революции также описывал и начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев: «настроение войск в эти дни было уже колеблющееся. Пехотные заставы, расположенные на главных улицах, позволяли толпе рабочих подходить к себе вплотную, вступали с ними в разговоры и пропускали их сквозь свой строй. Кавалерийские разъезды разрешали рабочим оглаживать и кормить лошадей и товарищески с ними беседовали... Некоторые войсковые части уже в эти дни переходили на сторону демонстрантов... казачья сотня, находившаяся на Знаменской площади, не позволила отряду конной полиции рассеять толпу, а один из казаков этой сотни зарубил пашкой местного полицейского пристава, пытавшегося отобрать красный флаг у демонстрантов» [11, с. 90].

Участие других запасных батальонов лейб-гвардии в Февральской революции

26 февраля в 15.00 восстала рота лейб-павловцев, которые также участвовали в подавлении демонстрации, как и волынцы. К. И. Глобачев отмечал, что уже тогда было видно признаки будущего бунта, т.к. «солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание своего командира батальона и нанесли ему смертельные поранения на Конюшенной площади. Зачинщики были арестованы и преданы военно-полевому суду» [11, с. 90].

Факт силового подавления демонстрации возмутил солдат, и с криками: «ни за что мы не примем народную кровь на белые павловские петлицы!» [17, с. 4] они попытались восстать, но из-за отсутствия поддержки были быстро окружены и реакционные силы арестовали 19 зачинщиков.

27 февраля в 7.00 учебная команда лейб-волынцев, подавившая демонстрацию в предыдущий день, выстроилась на плацу. Но уже в 6 утра волынцы были на ногах, взводные обсудили с солдатами дальнейшие действия. Все постановили после произошедшей накануне трагедии, что более не будут стрелять по своим. Тем самым начинается восстание.

Одним из ключевых лидеров восстания стал старший унтер-офицер лейб-гвардии Волынского полка Тимофей Иванович Кирпичников. Солдаты отказались выполнить приказ о разгоне назревающей демонстрации, и в ходе спора был застрелен начальник учебной команды штабс-капитан Машкевич. Офицеры полка разбежались. Вероятно, осознавая, что теперь нет пути назад, многие колебавшиеся волынцы присоединились к ядру восстания и пошли к своим товарищам из других запасных батальонов. Солдаты лейб-гвардии Литовского и Саперного полков, не желавшие проливать кровь мирных граждан, присоединились к восстанию. В лейб-гвардии Павловском полку был тяжело ранен командир запасного батальона полковник Экстен и ранен прапорщик Ридигер [4, л. 11].

Обстановку описывал и А. Ф. Керенский:

«Один за другим полки покидали казармы без офицеров. Солдаты многих арестовали, некоторых убили. Другие скрылись, бросив свои части, как только почувствовали враждебное агрессивное настроение людей. Горожане братались с солдатами. Рабочие с окраин, из пригородов толпами вливались в центр города, прислушиваясь к беспорядочной пулеметной стрельбе в некоторых кварталах. Нам уже было известно о стычках с полицией. Пулеметчики стреляли в демонстрантов с крыш и колоколен. Казалось, мятежные толпы, заполонившие улицы, не имели никакой конкретной цели» [14, с. 17].

Лейб-гвардии Преображенского полка запасной батальон 27 февраля 1917 года.

Восставших поддержал и Преображенский полк. По воспоминаниям вольноопределяющегося запасного батальона Преображенского полка Ивана Лукаша, события происходили так:

«27 февраля... в 8 часов утра, как всегда, на дворе началось строевое учение... вдруг со стороны волынцев... послышались беспорядочные выстрелы и глухие раскаты «ура»... строевое учение смешалось» [18, с. 6].

Волынцы кричали преображенцам, чтобы те присоединялись к ним. Но криков не слышали, поэтому волынцы сделали несколько выстрелов в воздух. Испуганные преображенцы бросились в казармы, где начали решать – что делать дальше. Толпа волынцев к тому моменту уже подошла к воротам казарм. Какова была реакция преображенцев, так же вспоминал Лукаш:

«Поняли тогда преображенцы. Из всех окон махали они волынцам шапками, призывали их восторженными «ура». Волынцы заполнили двор. К ним, как лавина, бежали из казарм, звякая винтовками, преображенцы... солдаты приветствовали друг друга выстрелами в воздух... Первой, вышедшей на зов Свободы ротой была 2-я рота Таврических казарм, которая вся сплошь состоит из боевых солдат, уже отдавших немало своей крови за народ на полях сражений» [18, с. 7]. Последней вышла 4-я рота, которую выводил фельдфебель Воронов.

Восставшие солдаты на улицы вышли около 9 утра и далее двинулись с Кирочной улицы на Литейный проспект, где толпа вышла к зданиям жандармерии, окружного суда и арсенала. Поскольку за Литейным мостом началась пулеметная стрельба, туда тоже выдвинулись восставшие. К 15.00 силами бунтовщиков

(включавших в себя большинство лейб-гвардейских полков) было разгромлено полицейское управление.

Дальнейшие события в связи со смешением революционно настроенных сил не могут быть восприняты однозначно в вопросе наличия там преобразенцев, т.к. они де-факто смешались с толпой.

Однако Керенский указывал [13, с. 23], что в 11.00 утра солдаты Преображенского и Волынского полков отправились вместе с другими восставшими арестовывать министра внутренних дел Протопопова, но ему удалось скрыться.

К вопросу о насильственном характере перехода преобразенцев на сторону революции. Мнение участников событий.

27 февраля в девятом часу поручик Макшеев позвонил Кутепову и попросил срочно приехать в казармы на Миллионной улице. Кутепов спешно прибыл, где его ввели в курс дела, рассказав о восстании волынцев и преобразенцев. При этом никто не верил, что преобразенцы в Таврических казармах присоединились добровольно к восставшим; как говорил Макшеев: «взбунтовавшиеся волынцы ворвались в казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться к себе солдат Л.-гв. Преображенского запасного полка». При этом, у них не возникло диссонанса, несмотря на гибель заведующего полковой шквальной полковника Богданова: когда он хотел выгнать волынцев со двора, то там же был ими убит. Т.е., по мнению Кутепова и преданных офицеров, преобразенцев **заставили** перейти на сторону революции. Того же мнения придерживался и начальник Петроградской охраны Глобачев [11, с. 93]. Однако А. Ф. Керенский указывал, что М. В. Родзянко (председатель Думы) писал императору Николаю II о продолжающихся беспорядках в столице, «восстании Волынского полка, возмущении батальона гвардейских саперов, готовности Преображенского полка тоже выйти из казарм» [18, с. 13].

Здесь можно увидеть важный момент. Боевые офицеры и руководители даже представить не могли такой ситуации, где их сослуживцы по старейшему и наиболее титулованному полку российской императорской армии могли бы добровольно отринуть присягу и вступить в корпус революционных сил, при этом (как выяснилось впоследствии) даже убив некоторых офицеров. Их сознание отказывалось верить в это, даже несмотря на то, что запасные батальоны полка были по своему социальному составу совершенно отличными от того «поколения» солдат и офицеров, с которыми Кутепов служил на фронте.

В связи с этим мнение о насильственном характере присоединения полка к восстанию следует подвергнуть сомнениям, особенно учитывая, что эта информация прошла через несколько человек и вероятно была уже искажена. Однако нельзя исключать фактор серьезного психологического воздействия на необстрелянных преобразенцев со стороны уже восставших волынцев.

Преобразенцы у Зимнего дворца 27 февраля 1917 года

Иная ситуация была в казармах на Миллионной улице. Офицеры и солдаты объединились и выступили на площадь Зимнего дворца к 11.00 в количестве 1500

человек [18, с. 13]. Офицеры, реквизирав машину биржевого маклера, объезжали гвардейские казармы, призывая всех выйти к Дворцу. Позиция была простая: «ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ея метущийся поток, но избегать кровопролития и собраться на площади, чтобы оттуда, как организованной силе, предъявить требования народа правительства» [18, с. 13]. После 15.00 восставшие заняли Зимний дворец. К 17.00 преображенцы и гвардейский экипаж покинули дворец и вернулись в казармы.

В 20.00 офицеры собрались с командиром в Офицерском собрании рядом с бильярдной. Вскоре решение преображенцев объявляет адъютант запасного батальона поручик Макшеев:

«Преображенский батальон, весь, со всеми офицерами, решил присоединиться ко Временному Правительству и признать его власть» [18, с. 17]. Всех охватил «восторженный подъем», и «во всех командах, во всех ротах катилось могучее «ура». Стекла огромных окон сотрясались точно во время канонады. Такого энтузиазма никогда еще не было в старинных красных казармах на Миллионной» [18, с. 18].

Лукаш И. С. как источник информации

Здесь следует отметить, что Лукаш как источник абсолютно надежным считаться не может, т.к. неоднократно был замечен в фальсификации фактов. Так, он пишет, что преображенские офицеры участвовали в убийстве Распутина, что, разумеется, не соответствует действительности. Единственным гвардейским офицером (из воспоминаний участников преступления) был поручик лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка С. М. Сухотин.

Таким образом Лукаш пытался придать большей значимости полку, а в контексте революционных событий «подтасовывал» факты. Указывая, что было восстание в Преображенском полку в годы Первой русской революции он умалчивает о роли капитана Мансурова и его подразделения, непосредственно участвовавших в расстреле мирной демонстрации 9 января 1905 года.

Однако его недаром называют «летописцем Февральской революции». Краткие брошюры, посвященные участию лейб-гвардии в революционных событиях, являются бесценным источником информации, поскольку за политизированными и восторженными речами скрываются факты, хронология и география событий. При этом Лукаш непосредственно участвовал в событиях Февраля и писал эти брошюры меньше, чем через месяц после событий, общаясь с участниками. Поэтому его работа, хоть и с известной осторожностью, но может использоваться при изучении участия лейб-гвардии в Февральской революции. Тем более что впоследствии Иван Созонтович охладает к революции, примкнет к Белой армии и будет в составе галлиполийцев, о чем также оставит мемуары.

Обстановка в Петрограде перед началом карательной экспедиции.

«Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для

достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие» [5, л. 45].

Так писал военный министр М. А. Беляев 27 февраля 1917 года в 13.15 начальнику Штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексееву о предпринимаемых мерах по борьбе с восстанием. Как видно из документа, министр пытался сохранить видимость контроля над ситуацией, который был уже совершенно потерян.

Обстановка в реальности была критическая: из 160-тысячного гарнизона у генерала Хабалова осталось 2 тысячи человек, которые начальник гарнизона верил полковнику Кутепову для проведения карательной экспедиции, «а сам совершенно устранился от руководства» [14, с. 1001].

Карательная экспедиция по сведениям историка армии А. А. Керсновского

По данным Керсновского, отряд Кутепова занял Зимний дворец, но вынужден был его покинуть по требованию великого князя Михаила Александровича. Далее отряд переместился в Адмиралтейство, но покинул позицию по требованиям адмирала Григоровича. Как с горечью указывает историк русской армии, оба руководителя отказали Кутепову из-за опасений за целостность зданий, и по его словам, «это было важнее сохранения монархии» [14, с. 1002]. Как далее пишет Керсновский, отряд, в котором считалось еще 1 100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, расплакавшись, приказал отряду разойтись.

Карательная экспедиция по воспоминаниям А. П. Кутепова

Теперь же сравним имеющиеся данные с воспоминаниями самого А. П. Кутепова.

«[27 февраля] По виду Невского проспекта было уже около одиннадцати часов утра, но нельзя было ничего сказать, что что-либо происходит в Петрограде. Городовые стояли на местах, и только народу было меньше, чем обыкновенно» [15, с. 162].

В районе 11.00 отряд Кутепова находился на пересечении Невского и Литейного проспектов. Узнав от Аргутинского-Долгорукого о восстании, он решает идти по маршруту: Литейный – Симеоновская улица – Садовая улица – Марсово поле.

Однако Кутепов прошел дальше Симеоновской улицы и дошел до Артиллерийского переулка, где встретился с командиром Лейб-гвардии Литовского запасного полка, который поведал, что толпу возглавляли «штатские» и солдаты перешли на сторону восставших. Кутепов с огромным трудом из-за творившегося хаоса построил колеблющихся волынцев и литовцев, но из-за настроения разбегающихся солдат, кричавших «нас расстреливают!» и «бей его!» (имея в виду Кутепова), план провалился.

Подошедшие к этому времени из Царского Села солдаты и офицеры лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка и гвардейского кавалерийского

запасного полка не хотели ничего делать, т.к. лошади и люди не ели и устали от большого перехода.

Взбешенный таким ответом, Кутепов сменил ротмистра кавалеристов одним из поручиков-запасников и приказал двигаться к Марсову полю через цирк Чинизелли. От них Кутепов отправился к кексгольмцам, которые к тому моменту уже разогнали толпу. Каким именно образом – Кутепов говорил лаконично: «открыв огонь» [15, с. 167].

Во время разговора с офицерами в районе Собрания армии и флота по стоявшим кексгольмцам и Кутепову был открыт огонь восставшими со стороны Литейного оружейного завода и с колокольни Сергиевского собора. Солдаты, не бывавшие под огнем, ринулись под ворота и в Собрание. Организовав оборону объекта и перекрыв сектор обстрела пулеметами, Кутепов распорядился отправить раненых в Управление Красного Креста, располагавшееся в доме графа Мусина-Пушкина.

На противодействие толпе, идущей от Марсова поля по Пантелеймоновой улице в сторону Литейного проспекта, была направлена подоспевшая рота лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии запасного полка под командованием штабс-капитана Розенбаха. Их Кутепов расположил на пересечении улиц Пантелеймоновской и Моховой.

В это время на Литейный проспект вылетели автомобили с красными флагами. По приказу Кутепова гвардейцы открыли по ним огонь, и все машины (кроме одной) были брошены и полны убитых. Кутепов приказал всех убитых рабочих перенести в пустой каретный сарай, и он отметил, что «от всех убитых рабочих сильно пахло спиртом» [15, с. 168].

К тому моменту Кутепова нашел «бледный, с оборванным погоном» Розенбах, доложивший, что его полк смешался с толпой, которая пыталась избить офицера и отобрать оружие. Ситуация складывалась критическая, но положение облегчила подоспевшая рота лейб-гвардии Семеновского полка, ведомая прапорщиками Соловьевым и Эссеном 4-м. Вместе с ними подошла и рота лейб-егерей, которую Кутепов расположил у казарм лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Сам же полковник вместе с семеновцами вышел на злосчастный угол Пантелеймоновской и Моховой улиц. Увидев, что толпа разбегается, Кутепов приказал в случае ее повторного сбора немедленно открыть огонь по демонстрантам. Здесь же был застрелен перешедший на сторону революции неизвестный офицер кексгольмовец, призывавший сослуживцев прекратить огонь.

Уже смеркалось. Кутепов отправился в дом Мусина-Пушкина к телефону, где выяснил текущую обстановку. В этот момент свершилась катастрофа, которую Кутепов увидел так:

«В момент моего разговора по телефону я увидел, как в подъезд дома, в котором я находился, вбегали солдаты Л.-гв. [лейб-гвардии] Семеновского запасного полка, неся смертельно раненых прапорщиков Соловьева и Эссена 4-го. За ними бежали солдаты Л.-гв. Преображенского зап.п. [запасного полка] – все были с винтовками, и в течение пяти минут весь дом был заполнен вооруженными солдатами, главным

образом, Преображенского и Семеновского запасных полков, среди которых было несколько человек Егерей.

Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари. Среди криков я слышал и свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью» [15, с. 169].

В 19.22 Беляев пишет Алексееву, что положение стало весьма серьезным, а военный мятеж силами верных частей погасить не удастся – многие части переходят на сторону восставших, бороться с возникшими пожарами сил нет, и необходимо срочное прибытие верных престолу частей [6, л. 49].

Далее Кутепов с горечью говорит:

«Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может» [15, с. 169]. С этого момента деятельность карательной экспедиции можно считать завершенной абсолютным поражением.

Вопрос различия данных Керсновского и Кутепова. Причины ошибок историка

Сравнивая данные Кутепова с данными Керновского можно сделать вывод, что Антон Антонович, поскольку не был очевидцем событий (он родился в 1905 году и пользовался только теми источниками, которые белоэмигранты смогли вывезти из страны), допустил несколько ошибок.

Кроме того, известный специалист мог основываться на мнении очевидцев Февральской революции, которое за давностью событий (книга писалась в 1933–1938 гг.) оказалось не совсем соответствующим действительности. При этом Керсновский указывает точную численность и вооружение экспедиции, что близко к данным Кутепова.

Итоги и последствия карательной экспедиции

Дальнейшие события были не менее трагичными: не видя выхода, Кутепов решает спасти жизни солдат и приказывает им сложить оружие и патроны на чердак, выходить маленькими группами и пытаться пройти к своим казармам. Сам же он, отказавшись переодеться в штатское, чудом избежал ареста. Новость о переходе полка на сторону революции он встретил буквально зло, оборвав Макшеева: «Не позорьте имя полка. Я не думаю, что все уже кончено» [15, с. 171]. Кутепов еще пытался навести порядок везде – от собственного полка до Государственной Думы, но все было тщетно. Город, а вслед за ним и страна перешли на сторону революции. В итоге, опасаясь за свою жизнь, Кутепов уехал из Петрограда в 19.00 2 марта на поезде с Николаевского вокзала [15, с. 177]. Так закончилось его пребывание в революционном Петрограде.

Итоги Февральской революции известны. Уже упомянутый командующий войсками Петроградского округа Хабалов писал Алексееву в 20.10, что исполнить повеление о восстановлении порядка невозможно, т.к. большинство частей перешли на сторону мятежников, а остальные даже обратили оружие против верных частей,

которые понесли большие потери. К вечеру в распоряжении Хабалова остались только небольшие части из разных полков, находившиеся у Зимнего дворца под началом генерал-майора Занкевича [7, л. 73–74].

Как вспоминал эсер В. М. Чернов, стрельба была такой ожесточенной, что мостовая была усыпана трупами безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей [19, с. 300]. И не последнюю роль в этой трагедии сыграла карательная экспедиция Кутепова.

Революционно настроенные массы стали более негативно относиться к армии и гвардии в первую очередь, а самого Кутепова записали во враги революции. Впоследствии неоднократно направленные уже летом 1917 года Временным правительством на фронт агитаторы и солдатские комитеты пытались сподвигнуть солдат-преображенцев на линчевание своего командира [1, с. 283].

Но все попытки провалились из-за преданности нижних чинов, в первую очередь благодаря преображенцам-фронтовикам, в основной своей массе мало затронутыми революционными прокламациями и веяниями. В критические моменты они были готовы с оружием в руках защищать один из живых символов своего полка. [1, с. 286].

Несмотря на то, что события 27 февраля 1917 года Кутеповым описаны достаточно подробно, он сам не делает выводов относительно провала миссии карательного отряда.

Выводы о причинах провала карательной экспедиции.

Исходя из всего вышеизложенного и из сведений от различных источников (в том числе и по политической принадлежности), можно сделать следующие выводы:

Экспедиция изначально была обречена на провал, но не из-за действий Кутепова, а из-за нерешительности руководства Петрограда и лично генерала Хабалова;

Попытки за счет лейб-гвардии остановить революционно настроенную толпу были, вероятно, жестом отчаяния. В сложившейся обстановке никто из командования, вероятно, не вспомнил события января 1905 года. Но их очень ярко помнили солдаты и офицеры запасных батальонов полков лейб-гвардии, в первую очередь набранных из петроградских рабочих, у многих из которых родственники пострадали или погибли в Первую русскую революцию от рук гвардейцев. Кадровые офицеры также не хотели стрелять по мирным людям. Поскольку это не было учтено, то полки перешли на сторону революции, не желая проливать кровь сограждан;

Сам Кутепов, не умеющий лавировать в сложной социально-политической обстановке, повел себя так, как повел бы себя на его месте любой кадровый военный. Буквально «огнем и мечом» офицер пытался навести порядок на улицах столицы, что сыграло свою роковую роль в отношении революционного Петрограда к силам карательного отряда и лично Кутепову. Вопрос «кто стрелял первым?» так и остается открытым, поскольку все стороны переводили вину за начало стрельбы на противников. Но подтверждается другой факт – отряд Кутепова открыл огонь по

демонстрантам, среди которых были не только провокаторы и военнослужащие с оружием в руках, но и мирные люди, грезившие переменами.

Заключение

Нельзя не отметить, что Преображенский полк сыграл значительную роль в Февральской революции. Но его вклад оказался «в тени» первых трех восставших полков – Вольнского, Литовского и Измайловского. Но хочется отметить, что Февральская революция проходила под полковой марш лейб-гвардии Преображенского полка. В этом можно увидеть грустный момент – марш первого полка Российской императорской армии играл в последние дни существования Российской империи. При том что сами преображенцы активно участвовали в революции.

Касательно же основного предмета исследования – карательной экспедиции 27 февраля 1917 года – следует отметить, что она изначально была обречена на провал из-за стратегических ошибок командования, несвоевременности принимаемых решений и совокупности многих рассмотренных в работе факторов, сопровождающих революционные события.

Невозможно возлагать вину за провал на отдельных людей, но немаловажную роль в поражении консервативно настроенных сил следует отнести руководству Петрограда, не сумевшему правильно распределить силы и не считавшемуся с историей подразделений под их началом.

А история, как известно, ошибок не прощает. Вследствие этого во многом и случилась Февральская революция и последующие трагические события одного из тяжелейших годов российской истории – 1917.

Список использованных источников и литературы

1. Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны, 1914–1920 годы. – СПб.: Славия, 2010. – 409 с.
Andolenko S. P. Preobrazhentsy v Velikuyu i Grazhdanskuyu voyny, 1914–1920 gody. – SPb.: Slaviya, 2010. – 409 s.
2. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 69, оп. 16, д. 83, л. 3.
Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (dalee – GAAO), f. 69, op. 16, d. 83, l. 3.
3. ГААО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 591. Лл. 41–41 об.
GAAO. F. 1244. Op. 1. D. 591. Ll. 41–41 ob.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 40.
Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 40.
5. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 45.
RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 45.
6. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 49.
RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 49.
7. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 73-74.
RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 73-74.
8. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 2.
RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L. 2.
9. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 3.
RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L. 3.
10. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 14.
RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L. 14.

11. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М.: Директ-Медиа, 2016. – 320 с.
Globachev K. I. Pravda o russkoi revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya. – М.: Direkt-Media, 2016. – 320 s.
12. Дейтрих В. В. Преображенского полка последний командир // Генерал Кутепов: Сборник статей. – Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. – 378 с.
Deitrikh V. V. Preobrazhenskogo polka poslednii komandir // General Kutepov: Sbornik statei. – Parizh: Izdanie komiteta imeni generala Kutepova, 1934. – 378 s.
13. Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2025. – 384 с.
Kerenskii A. F. Russkaya revolyutsiya. 1917. – М.: ЗАО Tsentrpoligraf, 2025. – 384 s.
14. Керсновский А. А. История русской армии. – М.: АСТ. ОГИЗ, 2023. – 1136 с.
Kersnovskii A. A. Istoriya russkoi armii. – М.: AST. OGIZ, 2023. – 1136 s.
15. Кутепов А. П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов: сб. ст. / [предисл. Е. К. Миллер]. – Париж: издание Комитета имени генерала Кутепова, 1934. – С. 159–179.
Kutepov A. P. Pervye dni revolyutsii v Petrograde // General Kutepov: sbornik statei / [predisl. E. K. Miller]. – Parizh: izdanie Komiteta imeni generala Kutepova, 1934. – S. 159–179.
16. Лукаш И. С. Вольницы. Врем. Ком. Гос. Думы. – СПб.: Освобожденная Россия, 1917. – 28 с.
Lukash I. S. Volyntsny. Vrem. Kom. Gos. Dumy. – SPb.: Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 28 s.
17. Лукаш И. С. Павловцы. Врем. Ком. Гос. Думы. – СПб.: Освобожденная Россия, 1917. – 32 с.
Lukash I. S. Pavlovtsy. Vrem. Kom. Gos. Dumy. – SPb.: Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 32 s.
18. Лукаш И. С. Преображенцы. Врем. ком. Гос. Думы. – СПб.: Освобожденная Россия, 1917. 24 с.
Lukash I. S. Preobrazhentsy. Vrem. kom. Gos. Dumy. – SPb.: Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 24 s.
19. Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2022. – 430 с.
Chernov V. M. Velikaya russkaya revolyutsiya. Vospominaniya predsedatelya Uchreditel'nogo sobraniya, 1905–1920. – М.: ЗАО Tsentrpoligraf, 2022. – 430 s.

Savinov V. Y. Participation of the life-guards of the Preobrazhensky regiment in the February revolution: the punitive expedition of colonel A. P. Kutepov on february 27, 1917

This article presents an analysis of an episode of the February Revolution related to the attempt of Colonel of the Life Guards of the Preobrazhensky regiment A. P. Kutepov to pacify the rebellious Petrograd by forces of a combined detachment. Despite the revolutionary chaos, units loyal to the oath tried to restore order in the capital, but Kutepov's expedition failed due to a combination of many factors, namely the indecision of the Petrograd garrison command and General S. S. Khabalov personally, the garrison soldiers did not want a repeat of the events of 1905, and the harsh actions of Kutepov's detachment. The consequences of the expedition's failure can be traced in the following months, including in the activities of the soldiers' committees, which called for Kutepov to be lynched for conducting the failed expedition. The context of the events is presented, especially regarding the role of the Life Guards in the revolutionary events. The chronology of events, restored in some cases by the clock, allows us to look at the events of the revolution from a different angle, to see them from the point of view of an officer devoted to duty and oath, based on the memories of eyewitnesses and preserved archival documents. The study presents various points of view on the tragic events of February 1917 for greater objectivity.

Keywords: February Revolution, A. P. Kutepov, Life Guards, Preobrazhensky Regiment, Petrovsky Brigade.